

Алауханов Е., декан факультета журналистики КазНУ им. аль-Фараби, доктор юридических наук, профессор

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПО УПК РК

Судебный контроль в уголовном процессе имеет различные проявления (в обжаловании решений органов предварительного следствия и прокурора, санкционировании арестов и т. д.). Об этих формах в науке нет единого мнения. При этом нужно отметить, что понятие «судебный контроль» в УПК РК не закреплено, это научная, доктринальная категория. Считаем необходимым закрепить в ст. 7 УПК РК легальное определение судебного контроля, указать хотя бы примерный перечень его проявления. Но прежде всего необходимо изучить, воспользовавшись последними достижениями в процессуальной науке, эту проблему, и только потом сформулировать максимально точное определение.

Решения органов предварительного следствия и прокурора, которые сегодня разрешено обжаловать в суде, условно можно разделить на три группы.

К первой относятся постановления органов следствия и дознания, а также прокурора, в которых сформулированы итоговые (для определенной стадии расследования или в целом) или окончательные решения. Речь идет о постановлениях: об отказе в возбуждении уголовного дела; о прекращении уголовного дела (в целом либо в отношении конкретного лица или лиц); о приостановлении следствия по уголовному делу; о выделении либо соединении уголовных дел; о направлении уголовного дела (по подследственности, по территориальности) и т. д. Безусловно, все участники уголовного процесса должны иметь возможность обжаловать такие постановления.

Ко второй группе относятся решения органов следствия и дознания, затрагивающие основные права и свободы человека, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Именно это лицо при расследовании дела терпит наиболее серьезные ограничения и сфера судебного контроля здесь является наиболее широкой. Кроме обжалования в суд постановления о задержании, об аресте, о продлении срока следствия и срока содержания под стражей, можно указать на право обжалования постановления о производстве обыска, о наложении ареста на имущество, об отстранении от должности, о помещении в стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы и другие.

Мы считаем необходимым закрепить в УПК РК положение, согласно которому все меры пресечения применял бы исключительно суд, тогда как сейчас отдельные виды мер пресечения применяются самим прокурором, не допуская попадания материалов дела в суд. Такая практика работает в пользу отдельных лиц.

К третьей группе следует отнести обжалование иных решений органов следствия и дознания (речь идет о жалобах свидетелей, законных представителей и др., например, родителей обвиняемого, у которых произвели обыск и описали имущество, и т. д.).

Ситуаций и вариантов здесь может быть большое количество. Не могут быть обжалованы в суд решения или действия органов предварительного расследования, которые в данный момент не нарушают процессуальные права участников процесса, а сводятся к неудовлетворению их интереса (например, отказ в допросе свидетеля, в назначении экспертизы) — эти действия могут попасть под судебный контроль в стадии судебного разбирательства.

При обсуждении проблем судебного контроля можно встретить разные точки зрения: его нужно расширять и дальше; наоборот, сужать или ограничивать; сохранить существующее положение.

Түйін

Бұл мақалада Қазақстан Республикасының Қылмыстық іс жүргізу кодексі бойынша соттық бақылауды жетілдіру мәселелері қарастырылады.

Resume

This article describes how to improve the judicial review of the criminal procedure code of Republic of Kazakhstan.

Борчашвили И. Ш., заместитель начальника Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова по научной работе, Заслуженный деятель Казахстана, академик НАЕН РК, доктор юридических наук, профессор

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ПРОЕКТА НОВОЙ РЕДАКЦИИ УК РК

Происходящие изменения в социально-экономической и политической жизни Республики Казахстан порождают необходимость адекватной реакции законодателя в целях уголовно-правовой защиты прав, свобод и законных интересов человека, общества и государства в целом.

На современном этапе концепция уголовного законодательства должна быть направлена, в первую очередь, на выявление и реализацию особенностей современной уголовной политики.

За четырнадцать лет в УК РК 1997 г. был внесен ряд изменений, которые коснулись криминализации и декриминализации преступлений, дифференциации ответственности, выразившейся в усилении либо смягчении наказания за различные категории преступлений. Законодатель Республики Казахстан предпринимает все шаги к тому, чтобы современная уголовная политика развивалась независимо, в качестве самостоятельного направления государственной политики и была направлена на соответствие национального уголовного законодательства международным стандартам. При этом прослеживается ориентация уголовной политики на пересмотр законодательства с точки зрения его соответствия Конституции Республики Казахстан.

Вместе с тем, нельзя не признать того факта, что действующий УК РК 1997 г. не лишен отдельных недостатков, избавление от которых возможно в процессе совершенствования законодательства.

В этой связи в последнее время в научных кругах и среди практикующих юристов все настойчивее проводилась мысль о том, что необходимо принятие нового Уголовного кодекса, отражающего реалии сегодняшнего дня. На пути к этому проведена определенная работа.

В рамках настоящей статьи хотелось бы поделиться своими соображениями по некоторым положениям Особенной части УК РК, нашедшим отражение в проекте новой редакции Уголовного кодекса, представленном Следственным Комитетом МВД РК и требующим научного осмысления.

Так, в УК РК предлагается ввести понятие «уголовный проступок». Наряду с этим, сделано предложение о ведении единого термина для уголовных проступков и преступлений — «уголовные правонарушения». Соответственно, к примеру, глава 1 «Преступления против личности» переименована в главу «Уголовные правонарушения против личности», с чем, в принципе, можно согласиться. Как известно, любое преступление представляет собой правонарушение, однако не каждое правонарушение есть преступление. Указание на то, что это не просто правонарушение, а именно уголовные позволяет, на наш взгляд, избежать дальнейших терминологических и практических сложностей, возникающих в ходе правоприменения.

Что касается введения термина «уголовный проступок», то здесь следует отметить, что идея сама по себе не нова. В частности, автором настоящей статьи в качестве одного из вариантов «разгрузки» Уголовного кодекса предлагалось ввести такое понятие. При этом к уголовным проступкам следует относить все преступления небольшой тяжести¹. В этой связи особых возражений против термина «уголовный проступок» нет. Однако то, каким образом данное нововведение находит свое дальнейшее развитие в проекте УК РК, должно быть, на мой взгляд, подвергнуто критике. Позволю себе выразить принципиальное несогласие с разработчиками законопроекта в части положения, которое проходит «красной нитью» через всю Особенную часть проекта УК РК и, по сути, представляет собой пересмотр основных устоявшихся позиций теории уголовного права и правоприменительной практики. Так, структуру отдельных норм, по мнению разработчиков законопроекта, необходимо построить из 2 частей (проступка и преступления). Например, как уголовный проступок, ответственность за который будет предусмотрена в УК РК, предлагается рассматривать принуждение к участию или отказу от участия в забастовке с использованием зависимого положения принуждаемого (ч. 1 ст. 153 проекта УК РК). В настоящее время ответственность за подобного рода деяние предусмотрена в ст. 97 КоАП. При этом следует отметить, что административное наказание за принуждение к участию или отказу от участия в забастовке с использованием зависимого положения представлено в виде штрафа на физических лиц в размере от пяти до десяти, на должностных лиц — в размере от десяти до двадцати месячных расчетных показателей. Предлагая закрепить рассматриваемое деяние в качестве уголовно наказуемого, разработчики законопроекта в санкции ч. 1 ст. 153 проекта УК РК сохраняют тот же вид и размер наказа-

ния, что и за административное правонарушение. Соответственно, действующая редакция ч. 1 ст. 153 УК РК, предусматривающая ответственность за принуждение к участию в забастовке или к отказу от участия в законной забастовке, совершенное лицом с использованием своего служебного положения либо путем насилия, или угрозы применения насилия в проекте предусмотрена как ч. 2 ст. 153 УК РК с сохранением той же санкции.

Аналогичная ситуация складывается по ряду норм УК РК. В этой связи совершенно обоснованно, на мой взгляд, возникает вопрос: «Насколько целесообразен автоматический перевод деяний из категории административно наказуемых в уголовно наказуемые?». Ответ на него, полагаю, должен быть отрицательным. Подобное решение вряд ли будет способствовать целям успешной борьбы с пресступностью. Конечно, не исключена ситуация, когда на то или иное деяние реакция государства должна выглядеть не как на административное правонарушение, а как на уголовно наказуемое деяние. Однако в таких случаях аргументация должна быть достаточно весомой и исключать автоматический перенос диспозиций и санкций правовых норм из одного кодекса в другой. Более того, нельзя не заметить явный недостаток такого переноса. К примеру, согласно положениям действующего законодательства, ответственность за незаконное использование объектов авторского права и смежных прав, а равно приобретение, хранение, перемещение или изготовление контрафактных экземпляров объектов авторского права и (или) смежных прав в целях сбыта, присвоение авторства или принуждение к соавторству, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотрена в ст. 129 КоАП. В проекте УК РК высказано предложение ввести указанное деяние в УК РК в качестве уголовного проступка, закрепив ответственность за его совершение в ч. 1 ст. 184 УК РК. Вместе с тем, предложенная диспозиция ч. 1 ст. 184 проекта УК РК дублирует диспозицию ст. 129 КоАП. При этом нельзя не обратить внимания на формулировку: «...если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния», которая также нашла отражение в ч. 1 ст. 184 проекта УК РК. Подобное положение приводит к мысли о том, что уголовный проступок не должен содержать признаков уголовно наказуемого деяния. Полагаю, что с таким решением вопроса вряд ли можно согласиться, поскольку если деяние закреплено в УК РК, пусть даже не в качестве преступления, а в качестве уголовного проступка, оно в любом случае должно содержать признаки уголовно наказуемого деяния.

Такая ситуация также прослеживается во всей Особой части проекта УК РК.

Выход из создавшегося положения, на мой взгляд, видится в том, что в подобных случаях законодатель мог бы ограничиться более строгим административным наказанием с возмещением всех причиненных убытков в полном размере (компенсацией морального вреда лицу, которому был причинен вред в результате совершенного деяния, возмещением расходов и т. д.).

Таким образом, приведенные доводы являются вполне достаточными для того, чтобы пересмотреть позицию, отраженную в законопроекте, в вопросе введения в УК РК понятия «уголовный проступок» и закрепления уголовной ответственности за его совершение.

Многие положения, которые ранее были исключены из УК РК, в проекте нового УК РК вновь находят отражение. Так, к примеру, как известно, Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам смертной казни» от 10 июля 2009 г. из п. «в» ч. 2 ст. 96 УК РК был исключен квалифицирующий признак, связанный с убийством лица, сопряженным с захватом заложника. Разработчики законопроекта предлагают вернуться к прежней редакции п. «в» ч. 2 ст. 96 УК РК.

Ответственность за захват заложника закреплена в ст. 234 УК РК, которая включена в перечень террористических преступлений, предусмотренный в примечании к ст. 233 УК РК. Таким образом, убийство, сопряженное с захватом заложника, по моему мнению, должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 96, и соответствующей части ст. 234 УК РК. Соответственно, действующая редакция п. «в» представляется более удачной.

Ответственность за бандитизм регламентируется ст. 237 УК РК. В этой связи убийство, сопряженное с бандитизмом, должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 96, и соответствующей части ст. 237 УК РК. Таким образом, вводить в п. «ж» ч. 2 ст. 96 проекта УК РК, п. «д» ч. 2 ст. 103 проекта УК РК квалифицирующий признак «...сопряженное с бандитизмом» не представляется целесообразным, поскольку это породит дополнительные сложности в правоприменительной практике при уголовно-правовой оценке содеянного. Соответственно, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, сопряженное с бандитизмом, должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 103 и соответствующей части ст. 237 УК РК.

Аналогичной позиции в данном вопросе придерживаюсь и по ряду других норм УК РК.

Реализация уголовной политики в Республике Казахстан должна осуществляться в соответствии с принципом дальнейшей декриминализации правонарушений, относящихся к преступлениям небольшой тяжести. С целью «разгрузки» УК РК ст. 105 УК РК, ч. 3 ст. 111 УК РК были обоснованно исключены из Уголовного кодекса, в связи с чем закрепление вновь в УК РК уголовной ответственности за умышленное причинение легкого вреда здоровью, причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, как это предложено сделать в проекте УК РК, не представляется целесообразным.

Не разделяю позицию, отраженную в законопроекте, и в части закрепления уголовной ответственности за мелкое хищение чужого имущества, поскольку это, полагаю, также противоречит Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. в вопросах гуманизации.

Правовым излишеством является указание в ряде случаев в названии и в диспозиции статьи на форму вины. В соответствии с действующим законодательством деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, если это прямо указано в статье УК РК (ч.4 ст.19 УК РК). Таким образом, если в названии или в диспозиции статьи нет указания на неосторожную форму вины, то можно говорить об умышленном характере содеянного. При этом не обязательно в названии указывать на умысел, как это, к примеру, предложено сделать в ст.134 проекта УК РК («Умышленная подмена ребенка»).

Безусловно, ради справедливости следует сказать о том, что некоторые моменты, нашедшие отражение в проекте нового УК РК, заслуживают внимания и положительной оценки (к примеру, декриминализация преступлений, предусмотренных ст.ст. 99, 109 УК РК, введение в ряд статей УК РК новых квалифицирующих признаков, повышающих степень общественной опасности содеянного и др.).

В заключение необходимо подчеркнуть, что идеального кодекса не существует и, в принципе, попытка создать таковой заранее обречена на неудачу. Таким образом, вопросы, связанные с совершенствованием действующего законодательства, по-прежнему не теряют своей актуальности.

¹ Борчаивили И. Ш. Избранные труды. — Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им Б. Бейсенова, 2009. — С. 127.

Түйін

Еңбекте Қазақстан Республикасының жаңа Қылмыстық кодексі жобасында көрініс тапқан Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексі Ерекше бөлімінің кейбір ережелері талданған. Автор заң жобасында ұсынылған бірқатар өзгерістер мен толықтыруларға белгілі мәселелер бойынша өз пікірін білдіре отырып, сынға алады.

Resume

This paper analyzes some of the provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, as reflected in the draft new Penal Code of the Republic of Kazakhstan is critical of the author of a number of proposed changes in the bill-making and additions, while expressing his views on the identified problems.

Баймагамбетов С. Н., кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СОВЕРШИВШИХ КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

«Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении пока не достигнет положенного ему предела»¹. Проведенное еще в 1995 г. национальными филиалами Международной организации Transparency International исследование показало, что в системе государственной службы как развитых, так и развивающихся стран коррупция имеет примерно одинаковые формы и охватывает одни и те же сферы деятельности. Одной из таких